

СЕМАНТИКА ДИМИНУТИВНЫХ СУФФИКСОВ В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА: ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

*Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России
(проект № 34.8857.2017/9.10).*

С использованием аппаратных методов экспериментальных исследований, программы E-Prime решаются три взаимосвязанные задачи: выявить, определяются ли эмоционально-оценочные компоненты семантики диминутивного суффикса носителями русского языка вне контекста его актуализации, влияет ли на их восприятие внесловный контекст, проявляются ли гендерные различия в интерпретации испытуемыми диминутивных суффиксов в исследуемых позициях. Психолингвистически релевантные результаты исследования соотносятся с данными, полученными при анализе диминутивного словообразования в структурной и функционально-коммуникативной парадигмах.

Ключевые слова: диминутивный суффикс; эмоционально-оценочная семантика; восприятие; внешний контекст; гендер; психолингвистический эксперимент.

Введение. Как известно, теория русского словообразования сформировалась как самостоятельная наука, совершив практически полный цикл развития с конца 60-х до конца 90-х гг. XX в.: от выделения основных единиц – формант (минимальная единица), производное слово (основная единица), базовых системных связей до их многоаспектного описания. Деривационная подсистема языка моделировалась как функциональное распределение словообразовательных типов и словообразовательных гнезд, в чем отразилось доминирование в тот период структурной модели описания языка. Формант и производное слово, особенности их формы, семантики, функционирования моделировались на основе применения базовых структурных методов анализа – дистрибутивного и оппозитивного (компонентного).

Словообразовательный аффикс, единица с абсолютно связанным значением, не реализуемая вне контекстной сочетаемости, в соответствии с общими методологическими установками структурного описания языка моделировались на основе анализа типовой сочетаемости. В «Русской грамматике» (РГ-80), например, фиксируется последовательно тип значения аффикса, тематические ограничения производящих основ (зачастую перечислительно) и функциональные типы речи – сферы преимущественной реализации производных слов [2].

Классическая теория словообразования, дав целостную модель системного устройства деривационной подсистемы, в дальнейшем обогащалась активно развиваемыми в последнюю треть XX в. подходами и методами функциональной парадигмы. На основе базовой теоретической идеи о включенности словообразовательного механизма в более общую модель порождения текста разрабатываются схемы анализа, осуществляющие выход к когнитивным и коммуникативным основам запуска и реализации деривационного механизма [5–10]. Основываясь на результатах исследования деривационного механизма, осуществленного на основе применения структурных методов, исследователи расширяют спектр применяемых методов, включая приемы комплексного текстологического и дискурс-анализа, когнитивного и психолингви-

стического моделирования, в том числе экспериментальные. В центре внимания находится интерпретация действия словообразовательного механизма, с одной стороны, «запускаемого» с использованием ресурса системы, смоделированной в работах структурного периода, с другой – приводящего к ее модификациям в механизмах текстовой (дискурсивной) актуализации.

Представляется, что ключевыми проблемами при такого рода парадигмальных научных переходах и взаимодействиях является определение релевантности новых методов, их взаимной дополнительности и взаимной верифицируемости полученных результатов. Конкретная задача, рассматриваемая в данной статье, включена в решение названных более общих теоретических проблем.

В качестве конкретного объекта исследования мы избираем единицы зоны русской диминутивной деривации, характеризующиеся особым функционально-семантическим синкретизмом, отражением в структуре комплекса рационально- и эмоционально-оценочных смыслов, стилевой маркированности (*рученька, пиджачишко, друган, офицеришко* и под.). Анализируя семантическую и функциональную направленность русской диминутивной деривации, мы сосредоточиваем внимание на определении психологической релевантности семантики и функции деривационного суффикса с использованием возможностей психолингвистических экспериментальных аппаратных методов анализа.

При этом мы решаем три взаимосвязанные задачи:

1. Выявить, определяются ли эмоционально-оценочные компоненты семантики диминутивного суффикса носителями русского языка вне контекста его использования. Значимость этого аспекта исследования определяется тем, что суффикс, наиболее значимый компонент русской деривационной системы, является абсолютно связанной единицей, не реализуясь вне соединения с производящей основой. Его семантика изучается в классических методиках оппозиционного и дистрибутивного анализа: характеризуются типовые условия его сочетаемости, на этой основе определяется вклад морфемы в семантику про-

изводного и варьирование значения в условиях мены внутрисловного контекста. Вследствие этого в качестве исходных данных при решении первой задачи мы опираемся на структурное описание значений и функций деривационных аффиксов, представленных в РГ-80 [2], а также анализ значений в монографических исследованиях [11. С. 160–164; 12. С. 80–97; 13. С. 117–136].

2. Определить, зависит ли восприятие семантики деривационного суффикса от эмоционально-оценочных значений лексем, составляющих внесловный контекст его использования. В данном случае в качестве исходных данных мы опираемся на результаты исследований, полученных на основе применения методик коммуникативно-функционального подхода к исследованию русской деривационной системы [9. С. 10, 194–131; 14] и др.

3. Проследить влияние социокультурных факторов на варьирование обнаруженных закономерностей; мы экспериментально исследуем проявленность гендерных различий испытуемых при восприятии единиц русской словообразовательной системы. Выбор для анализа данного аспекта социальной детерминированности процессов восприятия производных единиц с использованием экспериментальных методик определяется также наличием значимых выводов, полученных в гендерной лингвистике с помощью структурных и функциональных методов исследования. В настоящее время в гендерной лингвистике сложилось устойчивое представление о том, что различие эмоционального фона мужской и женской речи – одна из ярких речевых черт, их противопоставляющих, в том числе и русскоязычной коммуникации [15–18]. Накопленные объективные данные о характере эмоциональности мужской и женской речи позволяют выдвинуть гипотезу о различии *восприятия данных единиц мужчинами и женщинами*.

Решение перечисленных задач требует изменения исследовательских методов, применения прежде всего экспериментальных методик, позволяющих представить объективированные данные о процессах восприятия и обработки языковых единиц.

Метод. Как отмечалось, поставленные задачи решались нами с использованием экспериментального метода. В данной статье представлены результаты двух поведенческих экспериментальных исследований, которые проводились с использованием программы E-Prime 2.0 (Copyright 1996–2012 Psychology Software Tools) и в соответствии с принципами организации подобного типа экспериментов.

В психолингвистической экспериментальной парадигме использование данного метода при исследовании различий в восприятии эмоционально-оценочных слов представлено на материале разных языков. В качестве объективного показателя различных способов когнитивной обработки эмоционально-экспрессивной лексики используются данные о различиях во времени реакции испытуемых (в миллисекундах) на эмоциональные слова по отношению к нейтральным. Данные, полученные в последнее время, свидетельствуют о более быстрой обработке экспрессивных слов (как с положительной, так и с отри-

цательной эмоциональной оценкой) по сравнению с неэкспрессивными. При обсуждении причин ускорения обработки оценочных слов высказываются предположения о влиянии как собственно психологических причин (ускорение происходит за счет актуализации аффективного состояния и мотивированного внимания, как, например, в работах [19, 20]), так и лингвистических. В последнем случае, например в работе [21], объяснение ускорения обработки экспрессивных слов находят в теории семантической насыщенности (*semantic richness*), в рамках которой доказано, что семантическая насыщенность, включающая образность слова, число ассоциаций, связь слова с объектом и телом человека, близость семантических соседей, число значений и эмоциональную валентность, ускоряет визуальное распознавание и обработку слова. (Более подробный обзор работ см. в диссертации О.В. Нагель [22].) Данные о времени реакции при обработке экспрессивных слов, полученные на материале русского языка, свидетельствуют о том, что характер обработки, наличие значимых реакций зависят от типа экспрессивности, контекстных факторов, наличия референциальной связи экспрессивного стимула с обозначаемым объектом [23–25]. Исследуется также влияние экспрессивных дериватов на когнитивные процессы ментального сравнения [26].

В наших экспериментах, используя программу E-Prime, мы собираем данные не о времени, но о типе реакции испытуемых, количественном соотношении выборов реакций, основывающихся на оценке эмоционально-оценочных смыслов целевых единиц дизайна – суффиксов с эмоционально-оценочной семантикой.

Всего были проведены две экспериментальные серии, различающиеся типом используемых стимулов. В первом эксперименте в качестве основных целевых единиц дизайна выступили специально смоделированные слова, представленные вне контекста; во втором эксперименте исходные стимулы из дизайна первого эксперимента были помещены в контекст. Для каждого эксперимента в качестве респондентов набирались мужчины и женщины, чтобы иметь возможность проследить влияние социокультурных факторов на выявляемые различия.

Описание экспериментов и обсуждение результатов.

Эксперимент 1. Проведение первого эксперимента было направлено на решение первой и третьей задачи, проверялись две исследовательские гипотезы:

1) Семантические различия деривационных формантов зоны модификационного словообразования *будут восприниматься носителями русского языка* даже если форманты будут предъявляться вне привычного деривационного контекста – типа производящей семантики;

2) при этом мужчины и женщины могут обнаружить различия в оценке эмоционально-оценочной семантики единиц, проявляя разную степень «чувствительности» к эмоционально-оценочной маркированности тестируемых языковых элементов.

Данные исследовательские гипотезы предопределили выбор дизайна эксперимента и стимулов.

Задача выявления реакций испытуемых на разные варианты эмоционально-оценочного суффиксального значения, находящегося вне влияния внутрисловного контекста, определила такую особенность формирования стимульного материала эксперимента, как построение псевдослов с финалями, аналогичными реальным суффиксам русского языка. Псевдослова широко применяются в экспериментальной психолингвистической парадигме при исследовании коннотативных значений лексических единиц, так как позволяют оценить коннотативный компонент значения при полном отсутствии влияния денотативного компонента (см., например: [27, 28] и др.). Псевдослова проверялись на отсутствие ярко выраженных ассоциаций с реальными словами русского языка, а также на субъективную оценку звуко-символического эффекта, способными повлиять на реакцию испытуемого, в экспертной группе. В качестве экспертов выступили лингвисты и специалист в области когнитивной науки.

Псевдослова были образованы с использованием суффиксов диминутивной зоны словообразования. При этом были отобраны морфемы, не имеющие омонимов, относящихся к другой функциональной сфере словообразования. Так, например, для построения псевдослов не мог быть привлечен суффикс *-к(а)*, продуктивный в сфере выражения уменьшительно-ласкательного значения (*ручка, глазки, ножки*), но совпадающий по форме с суффиксом со значением отвлеченного действия (*читка, мойка, зарисовка*), не могли быть привлечены суффиксы, характеризующиеся значительно размытым морфемным

швом, имеющие несколько морфов, типа *-к(а), -овка (а), -онк(ка)* и под.

При отборе суффиксов значимым явилась их функционально-семантическая противопоставленность. На основе данных «Русской грамматики» мы противопоставили три группы суффиксов:

1. Первую группу составили два морфа *-оньк(а)/-еньк(а)*, выражающие только ласкательное значение: *боженька, Сереженька, доченька, подруженька, собаченька, лисонька*.

2. Во вторую группу были объединены суффиксы *-онк(а)*, и *-ёшк(а)*, имеющие уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение (*мужичонка, избёнка, ручонка, ножонка, Настёнка; волосёнки; рыбёшка, работёшка, грамотёшка*), а также суффикс *-ушк(а)*, представленный двумя омографами: безударный суффикс имеет, по данным РГ-80, ласкательное значение (*сторонюшка, головушка, коровушка*), существительные с ударным суф. *-ушк(а)* имеют уменьшительно-ласкательное или уменьшительно-уничижительное значение (*пивнушка, зверюшка, амбарушка, сараюшка*).

3. Третью группу составляют суф. *-аг(а)* и *-уг(а)*, *-як(а)*, *-юк(а)*, *-ух(а)*, *-ах(а)*, образующие стилистически сниженные синонимы мотивирующих существительных, характеризуясь, как отмечено в РГ, разговорностью, фамильярностью или значительной оценочной экспрессией: *штормяга; ворюга, чертяка; сатанюка, грязюка, комнатуха*.

Были образованы по 10 псевдослов с каждым суффиксом, примеры представлены в таблице.

Образцы стимулов

Суффикс									
-ушк(а)	-онк(а)	-ёшк(а)	-еньк(а)	-аг(а)	-уг(а)	-ак(а)	-ук(а)	-ах(а)	-ух(а)
вупушка	зуронка	жикёшка	вэкенка	лантяга	рифуга	рувдака	веблук	обыряха	воркуха
кютушка	мюконка	прэвёшка	жотенька	фаркяга	цавуга	жулдака	юбидук	футпяха	мепкуха
бырушка	роконка	щувёшка	цотенька	буптяга	прапуга	чуктака	эдибук	дыхпяха	чагруха

В качестве элементов, маркирующих эмоциональное отношение испытуемого к предъявляемым стимулам, в дизайн экспериментов были введены прилагательные *приятный* vs. *противный*, одно из которых должен был выбрать испытуемый в качестве способа вербализации положительной и отрицательной оценки объекта, названного словом. Предполагалось, что эмоциональные ассоциации, актуализируемые псевдословом, формируются под влиянием суффикса.

В качестве независимых переменных в дизайне эксперимента были использованы:

1) тип суффикса: в данной переменной выделяют 10 уровней в соответствии с количеством анализируемых суффиксов;

2) тип семантики: в данной переменной выделяют три уровня в соответствии с выделенными ранее группами семантики анализируемых суффиксов; данная переменная не является самостоятельной и выводится на основе значений первой переменной;

3) пол респондентов: мужской, женский.

В качестве зависимой переменной был использован тип выбора: положительное vs отрицательное отношение испытуемого, проявленное в типе выбора реакции. В ходе эксперимента каждое псевдослово

респондент соотносил либо с приятными ассоциациями, выбирая клавишу «приятный», либо с негативной ассоциацией, выбирая клавишу «противный». Каждый стимул, таким образом, в ходе экспериментальной сессии набирал количество подобных выборов, равное числу участвовавших в эксперименте респондентов. При анализе использовалось усредненное значение типа выбора.

Для проведения эксперимента использовались персональные компьютеры с установленным на них программным обеспечением.

В соответствии с разработанной системой организации подобных поведенческих экспериментов процедура проведения была следующей.

Перед началом экспериментальной сессии в соответствии с требованиями этической комиссии испытуемые заполняли лист информированного согласия на участие в эксперименте. Далее респондентам предлагалось указать свои метаданные (имя, возраст и пол) и познакомиться с инструкцией, содержащей информацию о том, что в эксперименте будут использованы слова смоделированного языка, которые не имеют значения в их родном языке. Согласно инструкции, респондентам предлагалось прочитать дан-

ные слова и определить эмоциональное отношение, которое вызывает у них обозначенное слово.

На следующем этапе испытуемым предлагалось выполнить тренировочную сессию, полностью соответствующую логике основного этапа экспериментального исследования. Наличие тренировочной сессии необходимо для минимизирования ошибок при выполнении задания, вызванных «привыканием» респондентов к интерфейсу и особенностям инструкции. Перед нача-

лось основного этапа эксперимента респондентам снова предлагалось ознакомиться с инструкцией. Процедура тренировочной сессии и основного задания состояла в последовательном предъявлении на экране фиксационного креста (продолжительность 500 мс), стимула-псевдослова (3000 мс), слов «приятный» и «противный» справа и слева экрана (до нажатия клавиши, но не более 3 000 мс). Новая проба предвлялась межпробным интервалом (500 мс) (рис. 1).

Рис. 1. Схема процедуры проведения экспериментального исследования

В качестве испытуемых выступили 62 студента томских вузов, равное количество мужчин и женщин. Возраст испытуемых составил от 17 до 26 лет.

Всего в первом эксперименте было получено 6 270 наблюдений.

Перед анализом из общего массива данных удалялись случаи ошибок, а также наблюдения, время реакции в которых составило < 100 мс, что свидетельствует о неосо-

знанности подобной реакции. Все данные усреднялись, а также обрезались не более, чем на 2,5 стандартного отклонения от значения среднего. Дисперсии анализируемых данных подчинялись закону нормального распределения. Всего было удалено не более 4% данных.

Однофакторный дисперсионный анализ по фактору типа суффикса выявил значимые различия при обработке слов с различными диминутивами (см. рис. 1).

$$F_3(9, 620) = 37.271, p = 0.000$$

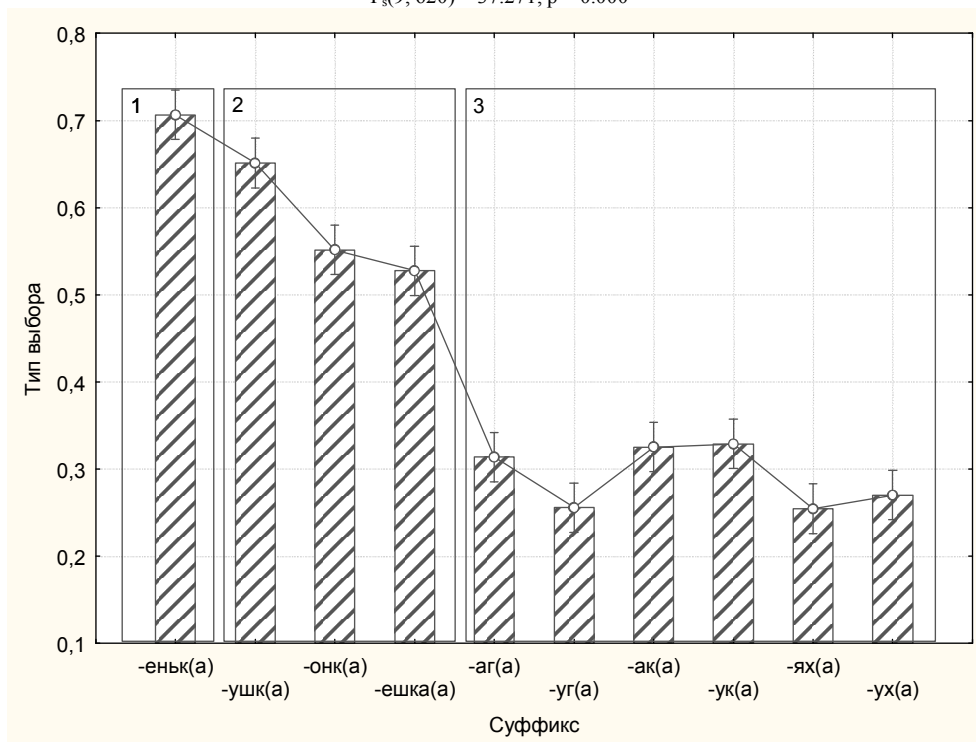

Рис. 2. Влияние суффиксальной семантики на тип выбора: 1 – суффикс, принадлежащий у группе 1; 2 – суффиксы, принадлежащие к группе 2; 3 – суффиксы, принадлежащие к группе 3

На рис. 1 представлены результаты по всем анализируемым аффиксам, сгруппированные в соответствии с семантикой в три группы, указанные в начале данной статьи.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа по фактору типа групповой семантики представлены на рис. 2. На рис. 2 видно, что существует статистически значимая разница между обработкой групп суф-

фиксов ($p < .001$ в обоих случаях), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу H_0 об отсутствии различий между группами-стимулами. Следовательно, суффиксы с различной семантикой интерпретируются испытуемыми по-разному. Более того, семантика суффикса оказывается относительно самостоятельной, не зависящей от семантики слова, поскольку в эксперименте в качестве стимулов использовались квизослова.

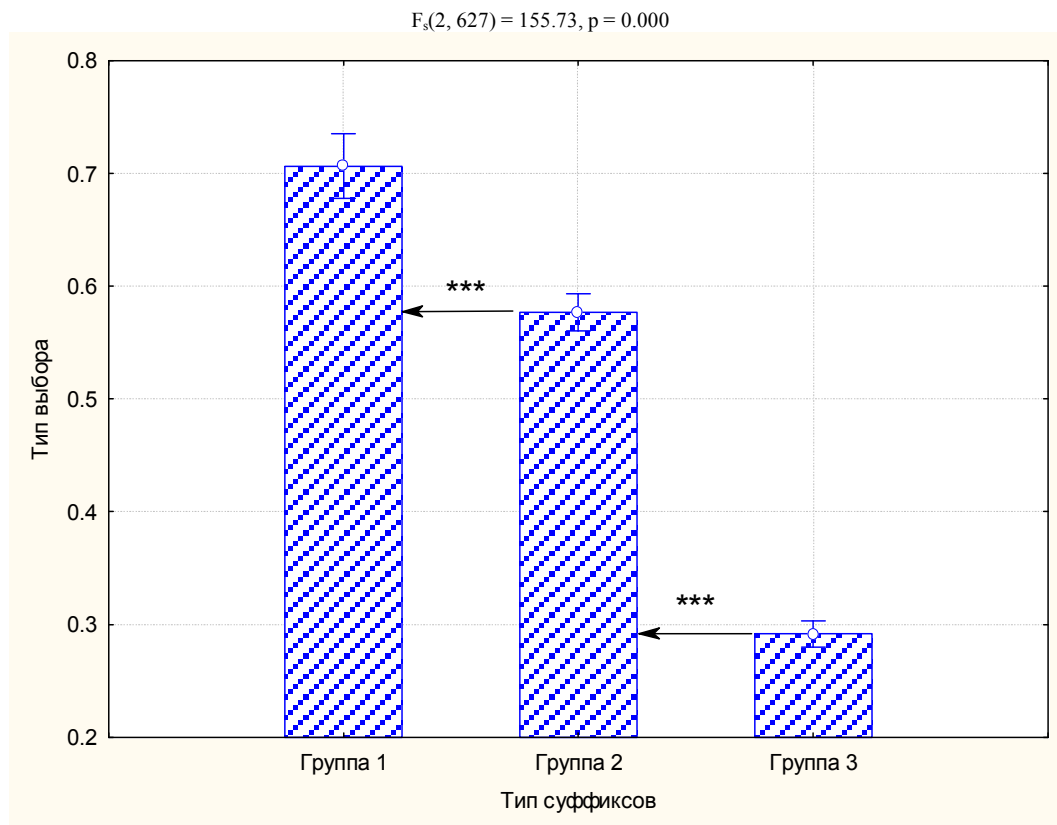

Рис. 3. Влияние суффиксальной семантики на тип выбора. Усредненные значения по группам суффиксов

Результаты, полученные в эксперименте, свидетельствуют о том, что различия в эмоционально-оценочных смыслах суффиксов дифференцируются испытуемыми в соответствии с интерпретацией суффиксальной семантики в лингвистических источниках, осуществленной на основе применения лингвистической методологии. Наибольшее количество выборов в пользу положительной эмоциональной реакции сделано испытуемыми на псевдослова с суффиксом *-еньк(а)*, интерпретируемым в РГ-80 как выражающее только уменьшительно-ласкательное значение, вторую позицию по частотности актуализации положительного эмоционального отношения испытуемых занимают суффиксы *-ушк(а)* с двумя омографами, а также суффиксы *-онк(а)* и *-ёшк(а)*, различающиеся по оценочной направленности эмоциональной оценки; суффиксы третьей группы *-аг(а)* и *-уз(а)*, *-як(а)*, *-юк(а)*, *-ух(а)*, *-ах(а)* явно тяготеют к полюсу отрицательной эмоциональной оценки.

Многофакторный дисперсионный анализ соотношения реакций мужчин и женщин, направленный на выявление степени различий восприятия и оценки эмоционального отношения мужчинами и женщина-

ми, показал, что женщины в целом проявляют большую чувствительность к дифференциации эмоциональных смыслов: при оценке суффиксов с уменьшительно-ласкательной семантикой женщины по сравнению с мужчинами дают больше выборов в типе реакций с оценкой «приятный», при оценке сниженных просторечных суффиксов – с оценкой «противный» (см. рис. 3).

Однако выявленные различия в оценке мужчинами и женщинами эмоционального фона имеют статистическую значимость только в зоне экспрессивных, стилистически сниженных суффиксов (рис. 4).

Из рис. 4 видно, что разница в обработке групп суффиксов мужчинами и женщинами присутствует при обработке группы 3.

Эксперимент 2. Второй эксперимент является продолжением первого и направлен на проверку влияния внешнесловного контекста на восприятие семантики суффикса, который не испытывает влияния внутрисловного контекста. Для этого ранее созданные псевдослова были помещены в специально созданные контексты с доминирующей с противоположной эмоционально ориентированной окрашенностью.

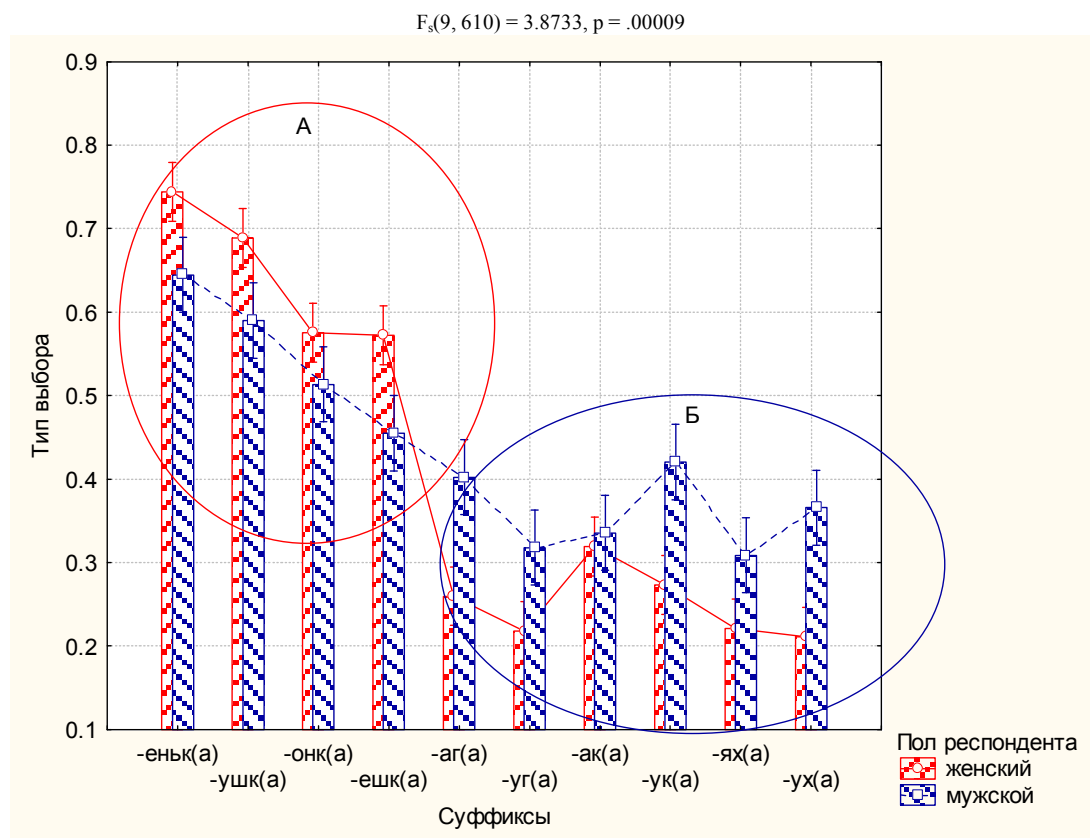

Рис. 4. Зависимость влияния семантики суффиксов на тип выбора от пола респондентов

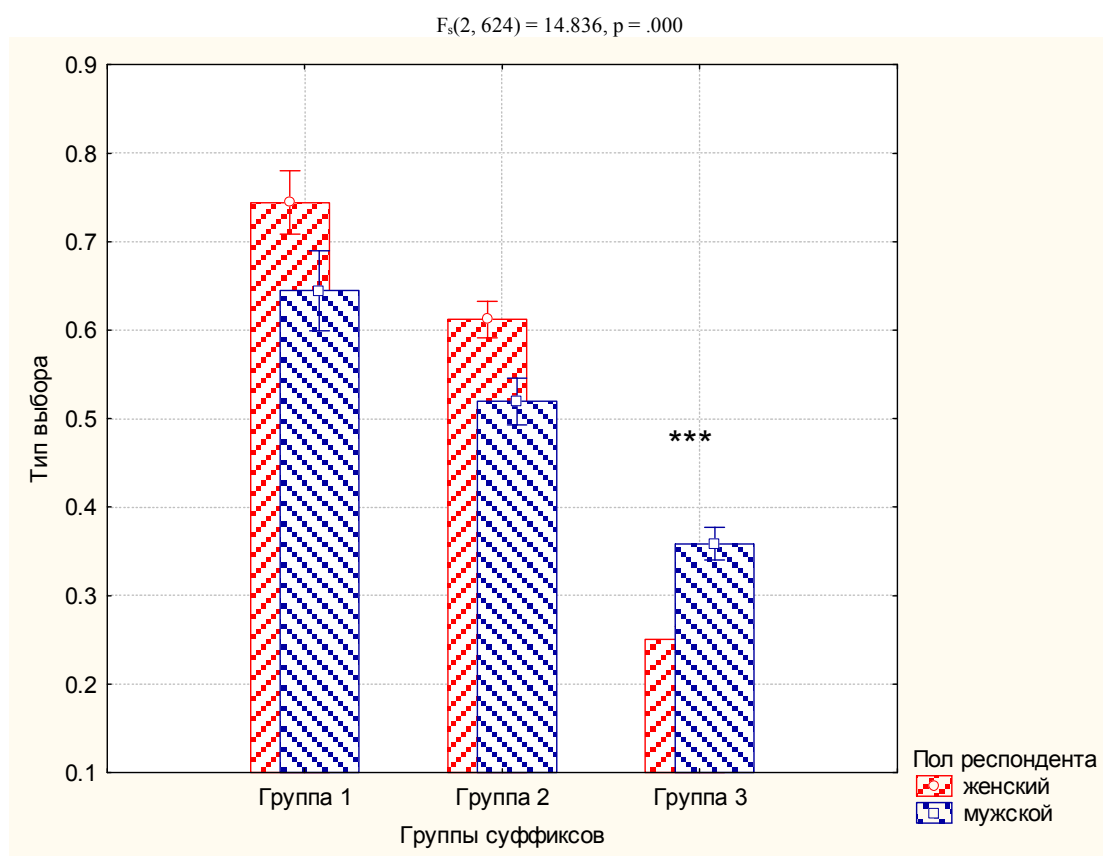

Рис. 5. Зависимость влияния семантики групп суффиксов на тип выбора от пола респондентов

Каждое из 10 псевдослов, построенных с использованием 10 суффиксов, было помещено в 4 тожде-

ственных позитивно окрашенных контекста и в 4 – отрицательно. Всего было создано 400 контекстов.

Стимульный материал был разделен на 2 листа по 200 контекстов, каждый испытуемый оценивал 200 контекстов с равным количеством позитивно и негативно окрашенных контекстов. Целевые слова в контекстах были выделены с обеих сторон знаками «*».

Приведем примеры контекстов с различным оценочным фоном.

*Звуки *сэтушки* вторили веселому щебету птиц, которые раздались из буйно цветущего вишневого сада.*

*Тоскливые завывания осеннего ветра вторили звуку *жалонки*, который раздавался из глубины сырой пещеры.*

*Изумрудные листья деревьев нежно оттеняли цвет *бацёшки*, уютно расположившейся на мягкой траве.*

*Ржавый цвет протухшей воды сливался с цветом *бэкеньки*, со всего маху брякнувшей в плесень.*

*Наслаждаясь пением птиц, мы увидели *юбидуку*, свободно парящую в лазурном майском небе.*

*За стеной холодного осеннего дождя еле виднелась *прэвёшка*, уползающая в черную слякоть.*

*Я вдруг увидел *обыряху* в саду, в окружении цветущих, излучающих неповторимый аромат яблонь.*

*Мы увидели *лантагу* в душной темноте опасной окраины среди гниющих смрадных отбросов.*

Таким образом, в качестве независимых переменных в дизайне эксперимента были использованы:

Тип аффикса: 10 уровней в соответствии с количеством анализируемых аффиксов.

1. Тип групповой семантики, представляющий собой средние значения среди аффиксов одной группы.

2. Пол респондентов: мужской, женский.

3. Тип контекста: положительный, отрицательный.

В качестве зависимой переменной выступает **тип выбора** эмоционально-оценочного отношения, выводимый по аналогичной с экспериментом 1 схеме.

Процедура повторяла принцип организации процедуры первого эксперимента с тем изменением, что вместо псевдослова на экране появлялось предложение (в течение 7 000 мс.)

Всего во втором эксперименте было получено 16 000 наблюдений.

Перед анализом из общего массива данных удалялись случаи ошибок, а также наблюдения, время реакции в которых составило < 100 мс, что говорит о неосознанности подобной реакции. Все данные усреднялись, а также обрезались не более, чем на 2,5 стандартного отклонения от значения среднего. Дисперсии анализируемых данных подчинялись закону нормального распределения. Всего было удалено не более 3,4% данных.

В процедуре анализа результатов эксперимента вначале мы выявляем влияние эмоционально-оценочного фона контекста на восприятие слова вне дифференциации испытуемых по полу.

Однофакторный дисперсионный анализ по фактору типа суффикса и типа групповой семантики выявил значимые различия при обработке слов с различными диминутивами ($F_9(9, 850) = 12.736$, $p = 0.0000$ и $F_2(2, 857) = 49.532$, $p = 0.0000$ соответственно), про-

демонстрировав схожие с полученными в первом эксперименте паттерны.

Однако, несмотря на отсутствие интеракции между двумя факторами, очевидно влияние позитивного и негативного контекстов на оценку суффиксов как соотносительных с позитивными или негативными ассоциациями. Из рис. 5 видно, что респонденты склонны ассоциировать один и тот же суффикс то с позитивным, то с негативным эмоциональным отношением в зависимости от того, в какой тип контекста они помещены.

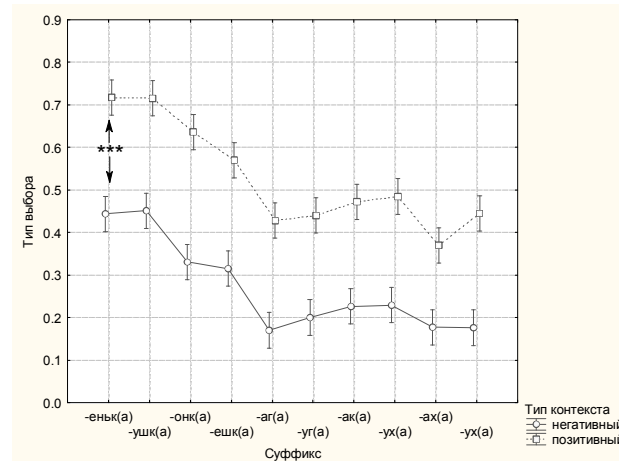

Рис. 5. Влияние типа контекста на категоризацию суффиксов респондентами

Результаты, полученные в эксперименте, свидетельствуют о влиянии оценочного, эмоционального фона контекста на восприятие суффиксов. Основной результат был предсказуем: помещение слова в контекст с позитивным оценочным фоном способствует увеличению выбора реакции «приятный» относительно одних и тех же псевдослов.

Мы также проследили влияние социокультурного фактора на полученные результаты. Многофакторный дисперсионный анализ выявил нивелирование гендерных различий при восприятии слов, помещенных в контекст. Для иллюстрации данных наблюдений приведем график, отображающий взаимодействие факторов пола респондентов и типов групп суффиксов (рис. 6).

На графике видно отсутствие статистически значимой разницы между обработкой групп суффиксов респондентами мужского и женского пола.

Интересным представляется соотношение результатов анализа слов, помещенных в контекст, с анализом слов, использованных вне позитивного или негативного контекста. Для этого мы совместили результаты первого и второго экспериментов.

Дисперсионный анализ показал наличие интеракции между тремя факторами: полом респондентов (мужской, женский), типом контекста (позитивный, негативный, нейтральный) и группами суффиксов ($F_4(4, 1472) = 4.6179$, $p = .001$).

Так, во всех случаях появление негативного контекста влечет за собой значимое «снижение» семантики аффиксов в сравнении с нейтральным контекстом как в случае с респондентами мужского пола, так и в случае с респондентами женского пола.

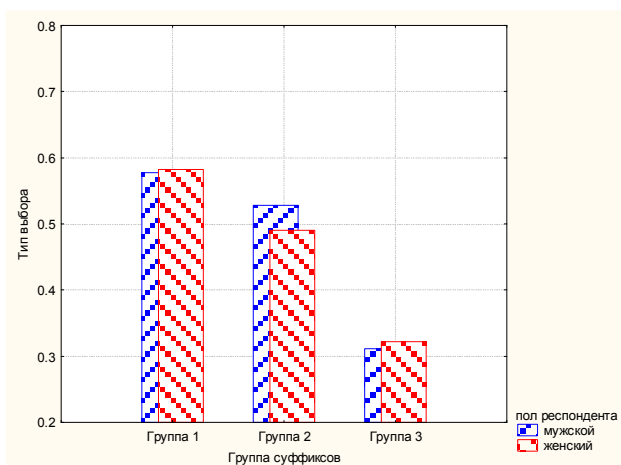

Рис. 6. Взаимодействие факторов пола респондентов и типов групп суффиксов

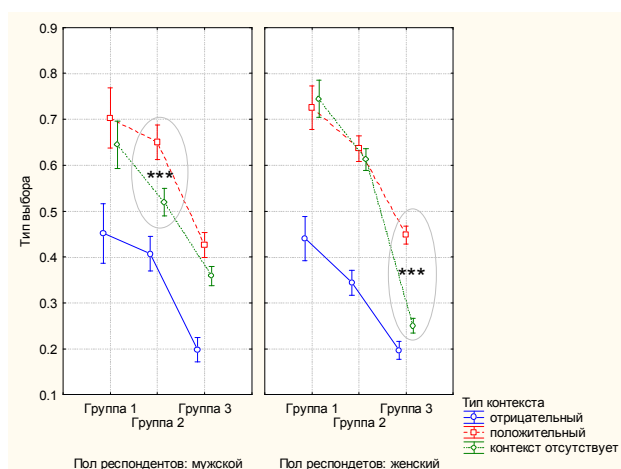

Рис. 7. Влияние типов контекста на обработку групп суффиксом респондентами мужского и женского пола

При этом гендерные различия наблюдаются при обработке групп аффиксов, помещенных в позитивный и нейтральный контексты.

Респонденты мужского пола значительно увеличивают количество выборов позитивной оценки псевдослов с аффиксами второй группы (-ушк(а), -онк(а), -ешк(а)) в сравнении с нейтральным контекстом, тогда как женщины в позитивном контексте и вне его оценивают указанные псевдослова одинаково позитивно.

При этом респонденты женского пола острее реагируют на группу псевдослов с аффиксами со сниженным значением (-аг(а), -уг(а), -ак(а), -ук(а), -ах(а), -ух(а)), значимо увеличивая количество категоризации данной группы суффиксов как имеющих положительное значение при помещении их в контекст с позитивным эмоционально-оценочным фоном.

Заключение. Таким образом, базовые гипотезы, проверяемые в экспериментах, – о психологической реальности базовых признаков диминутивных суффиксов русского языка, относительной независимости их значения от условий реализации внутрисловного контекста и о влиянии на реализацию условий внешнего контекста – подтвердились.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Рубежными являются академические грамматики 1970 (АГ-70) и 1980 г. (РГ-80) [1, 2], представившие фундаментальную интерпретацию деривационной системы языка как совокупности и функционального распределения словообразовательных формантов и комплексных

Во-первых, выявлены статистически значимые различия в восприятии групп суффиксов, коррелирующие с существующей в грамматической традиции группировкой диминутивов на основе их различий в выражаемых эмоционально-оценочных значениях.

Во-вторых, выявлены социокультурно обусловленные гендерные различия в обработке семантики стимулов. Статистически значимый результат получен только при анализе обработки респондентами мужского и женского пола слов с суффиксами сниженной семантики. Однако общий паттерн заключается в том, что респонденты женского пола, более склонные к восприятию эмотивного и экспрессивного компонента семантики, в рамках категоризации чаще выбирают крайние значения положительного и отрицательного спектра; таким образом, суффиксы с позитивной семантикой у них получают более позитивную оценку относительно категоризации этих же единиц респондентами мужского пола; суффиксы со сниженной семантикой получают у респондентов женского пола более негативную оценку относительно категоризации респондентами мужского пола.

Помещение слов-стимулов в позитивный и негативный контекст снимает социокультурные различия. При этом предсказуемо меняется категоризация самих суффиксов: суффикс одного типа, помещенный в позитивный и негативный контекст, оценивается более позитивно или более негативно в соответствии с оценочным смыслом предложения. При этом общий паттерн различия в обработке групп суффиксов сохраняется: суффиксы со сниженной семантикой по-прежнему оцениваются негативно, тогда как суффиксы с позитивной семантикой оцениваются позитивно.

Анализ оценки респондентами всех трех сессий (вне контекста, в позитивном контексте и негативном контексте) позволил сделать следующие выводы: респонденты женского пола одинаково позитивно оценивают суффиксы, несущие в себе положительную семантику, в случае, когда они представлены в контексте, и в случае, когда они представлены без контекста. Респонденты мужского пола, напротив, сохраняют оценку суффиксов со сниженной семантикой на уровне нейтрального контекста даже в случае, если они помещены в позитивный контекст.

При этом проведенный анализ, с одной стороны, основывался на результатах структурного и функционально-коммуникативного анализа семантики диминутивных суффиксов, с другой стороны, был направлен на верификацию данных результатов с использованием методов психолингвистической экспериментальной парадигмы. Результаты проведенных экспериментов продемонстрировали, что выводы взаимно верифицируемы. Суффикс функционирует как самостоятельная семантически и функционально значимая величина, в то же время зависящая от внешнего контекста.

единиц – словообразовательных типов. Данный принцип использовался и при описании деривационных подсистем других социально ограниченных вариантов русского языка, к числу которых следует отнести Русские говоры Среднего Приобья [3]. В фундаментальных словарях А.Н. Тихонова русский деривационный уровень предстает как система словообразовательных гнезд, организованных как отражение последовательности порождающих операций на основе непроемких единиц ([4] и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.
2. Русская грамматика : в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. URL: file:///C:/Users/User/AppData/Local/Temp/Rar\$EXa0.902/az.don.sitek.net/lang/ru/books/lib/gram/191-207.html (дата обращения: 08.04.2017).
3. Русские говоры Среднего Приобья. Томск, 1989. Т. 2.
4. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1990.
5. Яценецкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 167–192.
6. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.
7. Араева Л.А. Словообразовательный тип в аспекте новой научной парадигмы // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 205–211.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 2015.
9. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск, 1996.
10. Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в моделях выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. Томск, 2005. С. 196–234.
11. Улукханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
12. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
13. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
14. Нагель О.В. Корпусная лингвистика и ее использование в компьютеризированном языковом обучении // Язык и культура. 2008. № 4. С. 53–59.
15. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. М., 1993. С. 90–136.
16. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
17. Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 08.04.2017).
18. Крючкова Т.Б. Некоторые исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 186–199.
19. Lang, Peter J., Bradley, Margaret M., Cuthbert, Bruce N. Emotion, attention, and the startle reflex // Psychological Review. Vol 97 (3). Jul 1990. P. 377–395.
20. Kousta S.T., Vinson D., Vigliocco G. Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words // Cognition. 2009. № 112. P. 473–481.
21. Pexman P.M., Hargreaves I.S., Siakaluk P.D., Bodner G.E., Pope J. There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition // Psychon Bull Rev. 2008. Feb. № 15 (1). P. 161–167.
22. Нагель О.В. Словообразовательные механизмы в процессах восприятия, идентификации и использования языка : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2017.
23. Васильева А.В. Особенности когнитивной обработки диминутива мужчинами и женщинами: экспериментальное исследование // Наука. Технологии. Инновации : сб. науч. тр. : в 9 ч. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. Ч. 8. С. 121–123.
24. Хабибулина А.С. Восприятие экспрессивных прилагательных с отрицательным и положительным значением: гендерный аспект // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : сб. материалов II (XVI) Междунар. конф. молодых ученых (18–22 апреля 2016 г.).
25. Позовкина К.С. Влияние экспрессивного стимула с отрицательной коннотацией на скорость реакции: гендерный аспект // Седьмая международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. Светлогорск, 2016. С. 494.
26. Rezanova Z.I., Nekrasova E.D., Shilyaev K.S. The effect of derivational semantics in the processes of mental comparison // Седьмая международная конференция по когнитивной науке : тезисы докладов. Светлогорск, 2016. С. 65–66.
27. Ervin S.M. The connotations of gender // Word. 1962. № 18. P. 249–261.
28. Konishi T. The connotation of gender A semantic differential study of German and Spanish // Word. 1994. Vol. 45, № 3. P. 317–326.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 июля 2017 г.

SEMANTICS OF DIMINUTIVE SUFFIXES IN THE PERCEPTION OF NATIVE SPEAKERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE: INFLUENCE OF CONTEXTUAL AND SOCIAL FACTORS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 421, 12–21.

DOI: 10.17223/15617793/421/2

Zoya I. Rezanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: resso@rambler.ru; resso@mail.tsu.ru

Elena D. Nekrasova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Keywords: diminutive suffix; emotional value semantics; perception; external context; gender; psycholinguistic experiment.

The paper describes the results of experimental studies conducted using the hardware methods of the E-Prime program on three interrelated problems: can native speakers determine emotional and evaluative components of the semantics of a diminutive suffix outside the context of its actualization; can the external context influence their perception; can the interpretation of diminutive suffixes in the researched positions by the subjects be gender-determined. Psycholinguistically relevant results are correlated with the data obtained in the analysis of the diminutive word-formation in the structural and functional-communicative paradigms. The authors collected data on the type of response of subjects, based on the evaluation of emotional evaluative meanings of diminutive suffixes using the E-Prime program. Two experimental series were conducted. In the first experiment, the target design units were pseudowords with diminutive suffixes outside the external context. In the second experiment, the same stimuli were placed in contexts that differed in positive and negative evaluation. The authors used an equal number of men and women as respondents to measure the influence of gender factors on differences in the perception of diminutive suffixes. This study has shown some new results. First, statistically significant differences in the perception of groups of suffixes that correlate with the grouping of the diminutives in

the academic grammars of the Russian language were identified. Secondly, socio-culturally conditioned gender differences in the processing of stimuli semantics were identified. A statistically significant result was obtained only when analyzing the processing of words with suffixes of negative semantics by male and female respondents. Female respondents who are more likely to perceive the emotional and expressive component of semantics, within the categorization framework, often choose extreme values of the positive and negative spectrum. Female respondents evaluate suffixes with positive semantics more positively and suffixes with negative semantics more negatively in comparison with the categorization of the same units by male respondents. The location of words with diminutive suffixes in a positive and negative context removes sociocultural differences. The categorization of suffixes is predictably changing: a suffix of one type, placed in a positive and negative context, is evaluated more positively or more negatively in accordance with the evaluation of the sentence. At the same time, the overall pattern of differences in the processing of suffix groups is preserved: suffixes with negative semantics are still negatively assessed, while suffixes with positive semantics are evaluated positively. In addition, the results of the conducted experiments demonstrated that the findings of structural, communicative and psycholinguistic analysis are mutually verifiable.

REFERENCES

1. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow: Nauka.
2. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka. [Online] Available from: [file:///C:/Users/User/AppData/Local/Temp/Rar\\$EXa0.902/az.don.sitek.net/lang/ru/books/lib/gram/191-207.html](file:///C:/Users/User/AppData/Local/Temp/Rar$EXa0.902/az.don.sitek.net/lang/ru/books/lib/gram/191-207.html). (Accessed: 08.04.2017).
3. Palagina, V.V. (ed.) (1989) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
4. Tikhonov, A.N. (1990) *Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Word-formation dictionary of the Russian language: in 2 vols]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Yantsenetskaya, M.N. (2014) The propositional aspect of word formation (the overview of works by Siberian scholars). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 167–192. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/27/13
6. Kubryakova, E.S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings: Semantics of the derived word]. Moscow: Nauka.
7. Araeva, L.A. (1998) Slovoobrazovatel'nyy tip v aspekte novoy nauchnoy paradigmy [Word formation type in the aspect of the new scientific paradigm]. In: Blinova, O.I. et al. (eds) *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [Problems of lexicography, motivology, derivatology]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Zemskaya, E.A. (2005) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Izd-vo KomKniga.
9. Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe proizvodnoe imya* [Functional aspect of word formation: Russian derived name]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v modelyakh vyrazheniya otsenki [Nominal diminutive derivation in models of expression of an estimation]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Ulukhanov, I.S. (1996) *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical representation]. Moscow: Russkie slovari.
12. Vinogradova, V.N. (1984) *Stilisticheskyy aspekt russkogo slovoobrazovaniya* [Stylistic aspect of Russian word formation]. Moscow: Nauka.
13. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
14. Nagel', O.V. (2008) Korpusnaya lingvistika i ee ispol'zovanie v komp'yuterizirovannom yazykovom obuchenii [Corpus linguistics and its use in computerized language training]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4. pp. 53–59.
15. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.A. & Rozanova, N.N. (1993) Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of male and female speech]. In: Vinokur, T.G. et al. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovani* [The Russian language in its functioning]. Moscow: Nauka.
16. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: the linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
17. Kirilina, A. & Tomskaya, M. (2005) *Lingvisticheskie gendernye issledovaniya* [Linguistic gender studies]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html. (Accessed: 08.04.2017).
18. Kryuchkova, T.B. (1975) Nekotorye issledovaniya osobennostey ispol'zovaniya russkogo yazyka muzhchinami i zhenshchinami [Some studies of features of the Russian language use by men and women]. In: Sorokin, Yu.A. & Shakhnarovich, A.M. (eds) *Problemy psikholingvistiki* [Problems of psycholinguistics]. Moscow: Institute of Linguistics.
19. Lang, P.J., Bradley, M.M. & Cuthbert, B.N. (1990) Emotion, attention, and the startle reflex. *Psychological Review*. 97 (3). pp. 377–395.
20. Kousta, S.T., Vinson, D. & Vigliocco, G. (2009) Emotion words, regardless of polarity, have a processing advantage over neutral words. *Cognition*. 112. pp. 473–481.
21. Pexman, P.M. et al. (2008) There are many ways to be rich: effects of three measures of semantic richness on visual word recognition. *Psychonomic Bull Rev.* 15 (1). pp. 161–167.
22. Nagel', O.V. (2017) *Slovoobrazovatel'nye mekhanizmy v protsessakh vospriyatiya, identifikatsii i ispol'zovaniya yazyka* [Word-forming mechanisms in the perception, identification and use of language]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
23. Vasil'eva, A.V. (2015) Osobennosti kognitivnoy obrabotki diminutiva muzhchinami i zhenshchinami: eksperimental'noe issledovanie [Features of cognitive processing of the diminutive by men and women: an experimental study]. In: *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: v 9 ch.* [Science. Technologies. Innovations: in 9 parts]. Part 8. Novosibirsk: NSTU. pp. 121–123.
24. Khabibulina, A.S. (2016) [Perception of expressive adjectives with negative and positive meaning: the gender aspect]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Topical issues of linguistics and literary criticism]. Proceedings of the II (XVI) international conference of young scholars. Tomsk. 18–22 April 2016. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
25. Pozovkina, K.S. (2016) [The influence of an expressive stimulus with a negative connotation on the reaction rate: the gender aspect]. *Abstracts of the Seventh International Conference on Cognitive Science*. Svetlogorsk. pp. 494. (In Russian).
26. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Shilyaev, K.S. (2016) The effect of derivational semantics in the processes of mental comparison. *Abstracts of the Seventh International Conference on Cognitive Science*. Svetlogorsk. pp. 65–66.
27. Ervin, S.M. (1962) The connotations of gender. *Word*. 18. pp. 249–261.
28. Konishi, T. (1994) The connotation of gender. A semantic differential study of German and Spanish. *Word*. 45 (3). pp. 317–326.

Received: 29 July 2017